

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 НОЯБРЯ
(10 декабря) 1905 г.

№ 23

ГОД ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГ.

Российская
Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

26 ноября, в 12 час. дня, помещение Совета Рабочих Депутатов было окружено войсками, и в 5 час. арестован председатель Совета, товарищ Хрусталева-Носарь.

С.-Петербург.

27 ноября 1905 г.

Социальная революция.

Революционный энтузиазм — прекрасная вещь, и способствовать его росту — прямая обязанность всякого революционера. Однако — даже такое священное чувство имеет свои дурные стороны, потому что ничего абсолютного нет на свете. Социал-демократия встречает в революционном энтузиазме не только могучего союзника, но иногда и препятствие к проведению в массы стройной, не всегда льстящей желаниям нашего сердца истины.

Чистым представителям революционного энтузиазма или революционной фразы выпадает на долю легкое дело. Приятно бросать в разгоряченную толпу непосредственно или через газету обильные призывы и все обещать, обещать, не обинуясь: Будет вам и свобода, будет и равенство и братство и всеобщее счастье, все вам союзники, весь трудящийся люд встанет заодно и приведет к торжеству социализма и в деревнях и в городах. Приятно говорить так, дав волю безбрежному энтузиазму, приятно и слушать, чувствуя себя окруженным золотым туманом надежд и предвкушений. Но нет ничего вреднее хотя бы и самого благородного, но некритического пафоса. Птицы сирены, которые, когда поют, сами себя забывают, могут оказаться помимо своего желания отвратителями бодрости революционной мысли.

Соц.-дем. прежде всего представитель революционной мысли. Для нее грядущее зависит не от преходящих настроений толпы, какой бы серебряной пеной, какими бы кипящими брызгами ни играло оно, а от столкновения общественных сил, удельный вес которых определяется прежде всего и главное всего степенью экономического развития страны и вообще цивилизованного мира. Часто соц.-дем. приходится играть роль каркающего ворона. Приятно ли разнимать с боку припекаем, временно увле-

ченным могучим потоком пролетарского движения, и разным демократам, тоже социалистам, слышать, как против них предостерегают рабочий класс, как их газеты порочат как возможных, вероятных изменников? Приятно ли рабочему, еще чувствующему себя наполовину собственником и крестьянином (а таких много), слышать резкую характеристику крестьян как прекрасных союзников в деле борьбы за демократический строй, но несомненных недругов (в значительной своей части) истинному социализму?

Одним хотелось бы заразить пролетария своей субъективностью, впрочем искренней и восторженной любовью к свободе; им хотелось бы, чтобы пролетарии поверили в ее самоуверенность, в то, что она наивысшее благо на земле, в то, что все, стремящиеся к полной свободе, естественно братья. Но является соц.-дем., и краски тускнеют, а свобода, идеалистическая свобода уже не кажется рабочему вратами рая, а только необходимым оружием для дальнейшей борьбы. Свобода оказывается лишь первой ступенью, за которой тянется еще тернистая дорога, предстоит упорная и страшная борьба.

Другие восторженно уверяют, что, раз завоевав свободу, социализм завоевать уже будет легко, так как "весь трудящийся люд" несомненно проникнется его идеалами. Но это грандиозное и могучее целое, этот столмиллионный русский трудящийся люд, при прикосновении соц.-демократической критики, распадается на свои элементы, и перед лицом своей огромной и снятой задачи пролетарий видит себя одиноким: дело твоего освобождения, дело освобождения всего мира может быть лишь делом твоих пролетарских рук.

Не на почве этого скептицизма, этого критически-холодного анализа соц.-демократия строит свой тем более могучий призыв: Пролетарии, организуйтесь! В единении ваша сила, в единении именно пролетариев между собою! А в классовом одиночестве, в изнуренном рабочему соц.-демократией, она утешает его, показывая ему многочисленную семью его братьев пролетариев других национальностей.

Когда революции еще не было налицо, когда соц.-демократия лишь самоотверженно подготавливала ее и горячо ожидала, она твердила: сначала, как предтеча настоящей, социальной революции, придет в России политическое освобождение страны, которое выдвинет на первое место буржуазию, в этом первоходе роли главной революционной силы сыграет пролетариат, но он ограничится завоеванием свободы и в промежуток, отде-

ляющий торжество свободного капитала от его гибели, займется постепенно со всей энергией делом организации своих сил.

Криклявые анархисты вопили о том, что социал-демократия, таким образом, сознательно отдает пролетариат на службу буржуазии. Прекраснодушные "эс-эры", пожимая плечами, негодовали на недоверие к крестьянскому богатирю, который произвольно, единым взмахом осуществит царствие божие на земле. Но социал-демократия держалась своей научной точки зрения. Она строившая различала оба момента. Она учила, что было бы страшным грехом допустить в рабочих массах веру в то, что армия политического освобождения, состоящая не только из пролетариата, но также из мелкой и средней буржуазии, захочет и сможет осуществить идеалы, приносящие лишь рабочему классу. Идеализировать буржуазную революцию значит способствовать распаду пролетариата во всемирной армии политического освобождения. Нет, пролетариат, по учению социал-демократии, должны были помнить, что они, будучи одним из батальонов этой армии, являются единственной армией социализма, и что, завоевав свободу, они должны будут продолжать работать над усилением этой части пролетарской армии.

Социал-демократия считала не меньшим грехом допустить в рабочих равнодушие к политической буржуазной революции, она боролась с идеей анархизма, в каком бы виде ни вливался он в уши рабочих, потому что свобода есть необходимая для дальнейшей борьбы предпосылка, а не борясь за нее, пролетариат никогда не добился бы сколько-нибудь широкой свободы.

Но революция разразилась. Гаданное будущее стало реальной действительностью. На мгновение некоторые социал-демократы, главным образом давно оторванные от России эмигранты, не оценивали сразу всего ее размаха: они слишком просто и теоретично приложили к действительности. Буржуазия идет к власти и достигнет ее; пока она идет к ней, пролетариат должен поддерживать и подталкивать ее. Когда она займет власть — пролетариат поведет против нее правильную осаду, как партия крайней оппозиции.

Но на деле выяснилось, что буржуазия боится сколько-нибудь широкой демократической свободы, что она с первых шагов трудит, изменяет, колеблется, нищмерит, что она еще менее способна на настоящую, жесткую, беспощадную борьбу с беспощадно жестокой реакцией, чем Ламартин и Кампфаузен, что свобода может быть завоевана и гарантирована только низами демократии, встряхнуть, поднять, организовать — которые способен лишь пролетариат. Не будучи еще социальной, русская революция сразу почти стала по преимуществу пролетарской. Первый этап — свободу — русскому народу придется завоевать под командой сознательного пролетариата.

Эту необходимость для сознательного пролетариата взять в свои руки фактическое руководство революцией, фактическую революционную власть сначала не все поняли. Но, присмотревшись к жизни, и менее решительные стали быстро приближаться к вышесказанной точке зрения.

Но что же теперь? Если пролетариат, организовавшийся в процессе революции, добьется власти — выпустит

ли он ее из рук? Не будет ли последний решительный удар против политического гнета первым ударом против капитала? Не приступит ли победоносный пролетариат немедленно к ряду реформ, выходящих за рамки революционной борьбы? с реакцией и осуществлением программы — минимум? Не пойдет ли вперед пролетариат, ни минуты не передохнув, на станции "Свобода", прямо к станции "Социализм"?

Невозможного тут ничего нет. 31 января в "Искре", теперь в "Начале" на этот вопрос был дан некоторыми товарищами довольно категорический утвердительный ответ.

И вот поднялся переполох! Обрадовались прежде всего путаники из партии соц.-рев. Им показалось, что некоторые наши товарищи чуть-чуть что не становятся на их точку зрения, они усмотрели было изменение позиции русской с.-д. партии по коренному вопросу и роковое разногласие в среде социал-демократов. Весь этот шум — пустая болтовня. Смысл строгого разграничения общенародной буржуазной революции и пролетарской социальной — остается в силе; дело идет лишь о возможном ускорении темпа событий, а, как известно, определение темпа это сказал еще Каутский — зависит в сильной мере от темперамента. Одним пресловутый "промежуток" кажется очень значительным, в глазах других он сокращается до минимума. Одни думают, что социальная революция в Европе, непремненное условие единовременной — социальной революции в России, будет чрезвычайно сложным длительным процессом; другие, повидимому, представляют себе его как бурный катаклизм. О серьезной разногласии может кричать только русская буржуазная демократия, которая по примеру своих западных сестер и во сне видит разногласие социал-демократов. Идея возможности быстрого наступления социальной революции напугала демократов до ужаса. Они стали пресерьезно представлять нам вексель, якобы гарантирующий им продолжительный Galgenfrist (висельный срок). Разве Маркс не писал, что сначала буржуазия должна добиться полноты власти, а уж потом придет ей капут, а вы не хотите нам дать хоть перед смертью полноты власти — плачутся демократы из "Нашей Жизни". Соц.-демократы не гарантируют ни власти, ни спокойствия за буржуазией, они всегда готовы идти так далеко, как будет возможно, и с такой быстротой, какая будет мыслима. Однако ни уменьшать в глазах рабочих трудностей предстоящей борьбы, ни выдавать временных союзников за их братьев по оружию соц.-демократии никогда не станет. Успокаивая свой страх, буржуазные публицисты отрицают решительно возможность социальной революции в России, в виду недостаточной капиталистической зрелости страны, слабой концентрированности капиталов. Но никто и не мечтает о немедленной организации всего производства на чисто социалистических началах. Дело может идти лишь о том, чтобы обезглавить капитализм, обобществив те отрасли производства, которые уже более или менее созрели для этого.

Таким образом создан будет громадный экономический центр, который будет могуче регулировать экономическую жизнь страны, способствуя тому, что отдельные еще не социализированные элементы производства станут

быстро подниматься по культурной лестнице к полному и законченному социалистическому строю, шагая разом через несколько ступеней.

Само собою разумеется, что необходимой предпосылкой для таких успехов пролетарской революции является сплоченность, организованность и сознательность всего русского пролетариата. Но и этого мало: социальная революция в России возможна лишь в связи с европейской социальной революцией. Многие однако заставляют думать, что она может притти скорее и неожиданнее, чем предполагают. Во всяком случае ни один соц.-дем. не станет давать зарок на какой бы то ни было срок. Буржуазная политическая и пролетарская социальная революции могут оказаться совпадающими по времени, но в том выразится истинное требование соц.-дем. строю: различие буржуазной и социальной революций, что рабочие, закончив первую, назначат себе приличный стаж перед второю, а в чистоте социал-демократической организации пролетариата, в ее безусловной независимости. Различие между обеими революциями не во времени, а в той роли, которую будут играть в той и другой различные классы. Пусть социальная революция тесно примыкает к политической—все же огромное большинство теперешних союзников рабочего класса станет его противниками.

А. Дунаевский.

Русская печать.

Я не советовал бы „Руси“ верить „экспертам“ на социал-демократию из „Нашей Жизни“. Доверившись оптимистичности этих господ, считающих себя как бы нашими соседями, „Русь“ печатает в № 31 следующее:

В статье г. Троцкого доказывается, что „непрерывная революция становится для пролетариата законом классового самосохранения“. Это — теория меньшевиков, противопоставляемая „большевикам“, стоящим за эволюцию.

Это развязное сообщение, разумеется, совершенный вздор. Тов. Троцкий говорил, что пролетарская революция может, не останавливаясь на первом этапе, продолжить свой путь, тесня эксплуататоров, а Ленин указывал на то, что политическая революция есть лишь первый шаг. Публицисту из „Нашей Жизни“ захотелось увидеть тут противоречие, но он же говорит, что, сделав первый шаг, мы остановимся, или хотя бы приостановимся, и он же говорит, что, в виду предстоящего нам непрерывного марша, мы вовсе не должны делать первого шага. Все недоразумение возникло, во-первых, от ужаса „Нашей Жизни“ перед самым именем социальной революции; во-вторых, от ее желания отыскать какое-нибудь острое и ошкандальное разногласие между соц.-дем. и, в-третьих, от образного выражения тов. Троцкого: „одним ударом“. В № 10 „Начала“ тов. Троцкий совершенно недвусмысленно разъяснил свою мысль.

Полная победа революции означает победу пролетариата, пишет тов. Троцкий.

Эта последняя, в свою очередь, означает дальнейшую непрерывность революции. Пролетариат осуществляет основные задачи демократии, — и логика его непосредственной борьбы за упреждение политического господства ставит перед ним

в известный момент чисто-социалистические проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революционная непрерывность. Это не один „удар“, это не день и не месяц, это целая историческая эпоха. Было бы непотопью заранее учитывать ее продолжительность.

В уже цитированной нами заметке „Русь“ в несколько туманной форме противопоставляет друг другу социал.-демокр. и умеренно-революционную тактики:

Непрерывно и постоянно кипеть в котле великих событий никакая страна, никакой народ не может. Нужны осуществимые цели для революционного действия и затем планомерная эволюция в определенном направлении. Социал-демократия упрекает демократическую интеллигенцию за промах ее тактики. Но в настоящую острую пору освободительного движения большой вопрос, чья тактика в состоянии повредить движению: тактика „предметной“ революции, имеющей в виду определенную цель, или „непрерывное“, „в интересах самосохранения“ революционное действие, которое в некотором роде может стать искусством для искусства? Нужна решимость для революции, но нужна решимость и после нее. Если ли эта „потусторонняя“ решимость у фракции „Начала“?

Все это немножко темно. „Руси“ хотелось бы, чтобы революция поставила себе „предметную цель“, а интересней и желанный „предмет“ есть, разумеется, буржуазный „правовой строй“. А потом „эволюция“, нечто вроде мирной полусоциалистической бернштейниады. „Нужна решимость для революции, но нужна решимость и после нее“. Да, нужна: после политической освободительной революции нужна решимость как можно скорее и полнее совершить революцию социальную, и эта „потусторонняя“ решимость имеется, конечно, у „фракции „Начала“, как имеется она у всей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

„Революционная“ „Наша Жизнь“ бонится революцию, но делает вид, будто совсем не она, — нет, бонится „буржуазия“. И вот этой-то трусливой буржуазии храбрый революционер Р. Б. старается объяснить в № 344, что революция совсем не страшна.

„Как началась русская революция? Торжественным ходом мирных рабочих и их жен и детей к „Батюшке-царю“. С всеобщим даннм ей и прощением. — Как продолжалась русская революция в октябрьские дни? — Простым прекращением работ, тихим возвращением и собственным упорным молчанием и голодовкой. Это — революция! — А какая контр-революция? Вспомните Киев, Одессу, Томск и десятки или сотни тех несчастных городов и местечек, где революция слаба, а контр-революция сильна!

В этом, конечно, много правды. Но тайный страх г. Р. Б. заставляет его ради успокоения буржуазии, а в том числе и себя самого, продолжать в таком духе:

Революционеры, конечно, выражаются очень „сильно“, и устно и письменно. Призывы к „вооруженному восстанию“, „бесконечной революции“, „захвату власти“, „захвату земли“ встречаются часто в революционных изданиях, но попытки к осуществлению этих призывов делаются только там, где революционной организации нет или она в самом младенческом состоянии. Чем сильнее революционная организация, тем менее она склонна к легкомысленным авантюрам.

Р. Б. хочется уверить себя, что все это так только, „кривые слова“ и что чем сильнее будет организация революционного пролетариата, тем дажнее будет она от „захвата власти“. Мудрец, вроде мудрецов из „Нашей Жизни“, Луи Блан постоянно повторял своим друзьям рабочим: „главная мудрость рабочего революционера — не слушать буржуазию“. Но мы не склонны быть столь мудрыми дипломатами, напротив, мы можем поручиться, что революционный пролетариат не даст ни минуты